

ТЕОРИЯ МОРАЛИ

Л. В. Максимов

О субъективистских течениях в современной философии морали*

К типологии этического субъективизма

Субъективистская трактовка морали в европейской философии прошла долгий путь — от наивно-прямолинейного отрицания древнегреческими софистами общезначимости моральных норм и понятий до более сложных и завуалированных современных концепций, сложившихся в русле фикционализма, конструктивизма, антифундаментализма, экспрессивизма, постмодернизма и пр. Правда, само уже объединение разнообразных теорий под общим именем «субъективизма» является достаточно условным, ибо какого-то единого субъективистского подхода к пониманию моральных ценностей не существует — хотя бы уже потому, что само понятие «субъективного» имеет множество контекстуальных значений, да и феномен морали нельзя представить в виде некоей неделимой целостности, которая допускала бы применение к ней (именно как к целому) указанной характеристики. Некоторые элементы этого многомерного феномена в определенных отношениях субъективны, а в других аспектах — объективны. Разногласия по поводу того, какие именно стороны морали (и в каком отношении) объективны или субъективны, составляют предмет споров между соответственно объективизмом и субъективизмом в этике. Один и тот же философ может быть субъективистом в понимании, скажем, способа бытия морали (если он полагает, например, что мораль существует исключительно в виде человеческих аттитюдов), и в то же время объективистом в трактовке источника моральных ценностей (если он признает в качестве такого источника какой-либо объективный — природный или социальный — фактор).

* Статья написана в рамках исследования, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом, проект 04-03-00179а.

Поэтому категорическое отвержение или принятие этического субъективизма в целом обычно связано с недостаточно отчетливым видением границ, разделяющих разные его типы. При этом определяющий или даже единственный признак субъективизма как такового часто усматривается в отрицании объективной истины в познании вообще, включая мораль, которая рассматривается обычно как особый вид познания. Агрессивно-обвинительная тональность, характерная как для классической, так и в особенности для современной антисубъективистской критики, объясняется тем, что понятый указанным образом субъективизм ассоциируется с моральным релятивизмом, защитой аморализма, скептицизма, нигилизма и т.п. В подтверждение сказанного позволю себе привести обширную цитату из фундаментальной статьи американского философа Рональда Дворкина «Объективность и истина», — статьи, которая инициировала острую полемику в специализированных англоязычных изданиях и в Интернете¹. «Существует ли объективная истина? — задает риторический вопрос Р.Дворкин. — Или мы должны наконец признать, что... нет никакой «реальной», или «объективной», или «абсолютной», или «основополагающей»... истины о чем-то, и что наши самые глубокие убеждения относительно того, что случилось в прошлом, или из чего сделан универсум, или кто мы есть, или что такое прекрасное, или что является безразличным, — суть именно убеждения, именно соглашения, именно идеология, именно знаки силы, именно выбранные нами правила языковых игр, именно продукт нашей неутомной предрасположенности делать вид, будто мы обнаружили там, в некоем внешнем, объективном, вечном, независимом от сознания мире то, что на самом деле мы придумали для себя, исходя из наших инстинктов, воображения и культуры? Этот последний взгляд, носящий имена вроде «постмодернизма», «антифундаментализма» и «неопрагматизма», ныне составляет модный интеллектуальный стиль. Он по существу неизбежен для тех подразделений американских университетов, которые не уверены в собственной полноценности, — например, для факультетов истории искусства, английской литературы и антропологии, так же как и для юридических факультетов. Более изощренные формы того же глубокого скептицизма были влиятельны в академической философии на протяжении многих веков. Они существуют в двух разновидностях: общая, всеохватывающая версия, атакующая саму идею объективной истины о чем-либо, и ограниченная, избирательная версия, которая допускает объективную истину для «дескриптивных» утверждений, включая математические, но отрицает ее для «оценочных» утверждений — моральных, этических и эстетических»².

Относительно последнего пункта приведенного высказывания следует заметить, что Р.Дворкин без достаточных оснований включает отрицание объективной истины в *морали* в общий контекст *эпистемологического субъективизма*, — пусть даже и в качестве его «ограниченной версии». Отрицание применимости самих понятий истины и лжи к моральным утверждениям³ — это действительно один из вариантов субъективизма, однако субъективизма не эпистемологического, а *этического*. К тому же «обвинительный уклон» в рассуждениях автора не вполне оправдан, поскольку отнюдь не всякая субъективистская трактовка морали — в том числе та, о которой здесь идет речь, — обязательно сопряжена напрямую (или хотя бы даже косвенно) с оправданием аморализма. На мой взгляд, дискуссии вокруг этического субъективизма могли бы быть более осмысленными и продуктивными при условии адекватной дифференциации и систематизации его типов, исторически сложившихся в философии морали. Каковы же эти типы?

Одна из возможных типологий, изложенная в терминах современной аналитической этики, представлена в англо-американской Этической энциклопедии (статья «Субъективизм»)⁴. Б.Хукер, автор статьи, выделяет четыре вида этического субъективизма, различающиеся тем, какие именно стороны морали подвергаются субъективистской интерпретации: (1) «доброе» для личности, (2) практический разум, (3) моральное требование и (4) оценочное суждение. Первый вид субъективизма проявляется в утверждении, что «личное добро» зависит от установок и желаний личности: «доброе» — это то, что способствует реализации желаний и достижению удовольствия. Субъективизм второго типа есть точка зрения, согласно которой все разумные основания для поступков (включая поступки моральные) определяются опять-таки субъективными желаниями. Третий вариант субъективизма основан на представлении о том, что моральное требование не имеет объективного, надчеловеческого статуса и потому не является принудительно-обязательным; по характеру и степени влияния на человеческое поведение оно стоит в ряду с любыми иными субъективными требованиями. Наконец, последний из перечисленных видов субъективизма говорит о наличии необходимой связи между установками личности и значением оценочных суждений. При этом автор различает два варианта внутри этой общей позиции. Одни субъективисты полагают, что оценочные суждения являются *описательными*, или дескриптивными, только описывают они не внешние реалии (как об этом можно было бы судить по их логической форме), а лишь аттитюды говорящего; т.е. если кто-то говорит: «X — хорош», то тем самым он

фактически сообщает о своем внутреннем состоянии: «Я одобряю X» (причем эта информация может быть истинной или ложной — «неискренней»); а если другой человек говорит: «X — плох», то он тоже дает информацию — истинную либо ложную — о своем отношении к X (именно — о «неодобрении» этого X). Таким образом, оба противоположных высказывания об одном и том же X — одобрительное и осудительное — могут быть одновременно истинными и, следовательно, не противоречащими друг другу. За этой точкой зрения установилось название «дескриптивный субъективизм». Согласно другому ответвлению указанной позиции оценочные суждения не являются описаниями ни вещей, ни внутренних состояний; они *выражают* аттитуды и поэтому не могут быть ни истинными, ни ложными. Этот вид этического субъективизма, обозначаемый термином «эмотивизм» или (в последние годы чаще) «экспрессивизм», вписывается в упомянутую выше неконгнитивистскую методологическую тенденцию современной философии морали.

Недостаток приведенной типологии, на мой взгляд, состоит в ее существенной неполноте, связанной с тем, что в основание классификации положены главным образом разные интерпретации языка морали, а не морального феномена во всем его многообразии. Из-за этого из поля зрения автора выпадают — или остаются лишь неявно полагаемыми — некоторые достаточно влиятельные субъективистские концепции, имеющие немало сторонников в современной философии морали. Поэтому изложенная выше типология нуждается в уточнении и дополнении.

Прежде всего — во избежание терминологических недоразумений — следует различать *концептуальный* субъективизм (т.е. особого рода толкование, объяснение морали с отставанием приоритетности того или иного субъективного начала) — и «субъективизм» как пристрастность, необъективность *ценностной позиции*, как ошибочность моральной оценки некоторого явления или события. Понятно, что подобный «субъективизм» нельзя рассматривать как некую особую «концепцию». Далее речь пойдет о различных формах именно *концептуального* субъективизма.

Поскольку субъективизм такого рода в любой его разновидности связан с акцентацией субъективной стороны морали, необходимо выяснить, какие именно составляющие морального феномена либо бесспорно являются «субъективными», либо могут быть *представлены* (уже не бесспорно) в качестве таковых и тем самым послужить предметом разногласий относительно их объективной или субъективной природы. Что касается моральных установок, мотивов, побуждений,

эмоций и т.д., то их принадлежность индивидуальному или групповому сознанию и, следовательно, субъективность в этом отношении несомненна. Вместе с тем *содержание* (предметная направленность) этих установок и мотивов, а также принятых или провозглашенных в обществе моральных норм может *предположительно* быть или субъективным, или объективным по своему источнику, т.е. таким источником в первом случае может быть сакральный или естественный субъект — Бог, пророк, социум или индивид, — *полагающий* эти нормы произвольно (беспредпосылочно) или руководствуясь неким интересом; во втором — природный или трансцендентный мир, объективно-необходимые законы которого воплощаются в общезначимом, универсальном по содержанию моральном законодательстве. Кроме того, сама процедура *выбора* поступка, имеющего моральную значимость, может трактоваться как субъективно-произвольная либо же, напротив, объективно детерминированная акция, независимо от того, каким — объективным или субъективным — признается источник моральных ценностей.

Таким образом, проблемы, возникающие при выяснении *содержания* моральных ценностей и *способа реализации* их в человеческом поведении, явились предпосылкой формирования множества субъективистских концепций морали. В задачу данной статьи не входит анализ всего этого многообразия. Мы вкратце рассмотрим две современные этические теории, сложившиеся в рамках более широких методологических течений — фикционализма и конструктивизма — и содержащие в себе (в снятом и преобразованном виде) основные идеи классического субъективизма.

Этический фикционализм

Основная идея этического фикционализма чрезвычайно проста. Вот как она изложена в сравнительно недавно изданной книге Ричарда Джойса с красноречивым названием «Миф о морали»⁵. Моральные суждения, пишет Джойс, не могут быть рационально доказаны. Мы склонны окутывать мир ценностями, которых в нем нет. Означает ли это, что мы должны отбросить мораль подобно тому, как мы отбрасываем другие ошибочные представления, — такие, например, как представления о ведьмах? Очевидно, нет. Мы могли бы относиться к морали как к «полезной фикции», предоставляя ей возможность оказывать регулятивное влияние на нашу жизнь и решения, может быть даже играть при этом центральную роль, но в то же

время мы не должны совершать теоретической ошибки и принимать на веру ложные утверждения об объективном существовании моральных ценностей.

Собственно говоря, эта мысль далеко не нова. Примерно то же имел в виду Вольтер в своем известном афоризме: «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать», — ибо уверенность в реальном бытии высшего гаранта морали (даже если *на самом деле* его нет) заставляет людей соблюдать принятые нормы и тем самым обеспечивает относительную стабильность общества. Вместе с тем, несмотря на банальность фикционалистской идеи для современного философского сознания, в последние годы происходит ее явное оживление⁶. Она органически вписывается в новые философские контексты, ибо предлагает определенный компромиссный (хотя и удовлетворяющий далеко не всех исследователей) выход из теоретического тупика, в который попала западная этическая мысль в результате, с одной стороны, невозможности аргументированно парировать аналитическую критику метафизических оснований морали, а с другой — из-за невозможности отказаться от признания надчеловеческого статуса моральных ценностей, статуса, благодаря которому мораль в состоянии выполнять свою регулятивную социальную функцию.

Безусловно, термин «фикция» в применении к морали звучит весьма одиозно (достаточно вспомнить «афоризм»: «Совесть — это химера»). Важно отметить, однако, что этический фикционализм является частным ответвлением или приложением фикционализма как более общей мировоззренческо-эпистемологической теории, в системе представлений которой понятие фикции не имеет ценностно-негативного оттенка. Это понятие в специальном философском значении было введено немецким философом Файхингером (H. Veihinger, 1852–1933), который заимствовал и довел до логического конца некоторые важные методологические идеи Канта и Ницше. Фикция в этом специальном значении — не ошибка и не обман, а особое мыслительное образование, играющее служебную, инструментальную роль в познании; оно не истинно и не ложно; это — «как бы» («als ob»)⁷ знание, это допущение, введенное нами самими для преодоления специфических познавательных затруднений. Фиктивными в указанном смысле являются многие научные понятия («идеальный газ», «абсолютно твердое тело», «мнимое число» и пр.), а также метафизические конструкции («трансцендентный мир» и др.). В отличие от прагматизма, для которого «полезность» знания равнозначна его истинности, фикционализм признает *иллюзорность* многих «полезных» (для теории и практики) понятий. Обобщая этот подход, Файхингер сформулировал те

зис о том, что наша картина мира есть не что иное, как совокупность фикций, причем это относится не только к теории, описывающей и объясняющей мир, но также к моральной, художественной и другим формам ценностного сознания. Современные — весьма популярные — постмодернистские течения являются, по сути, развитием этой фикционалистской идеи.

Одним из направлений в рамках рассматриваемой концепции является *модальный фикционализм*⁸. Под модальностью в логике и лингвистике понимается отношение содержания высказывания к его реальному осуществлению, — отношение, выражаемое особыми грамматическими и лексическими средствами. Помимо традиционных (идущих еще от Аристотеля) так называемых *алетических* модальностей («возможно, что», «необходимо, что»), современная логика выделяет также *деонтические* («разрешено, что», «запрещено, что», «обязательно, что»), *аксиологические* («хорошо, что», «плохо, что») и ряд других. Указанное различие очень важно для понимания, в частности, специфики морального долженствования, поскольку этический рационализм (от Канта до современных авторов — Р.Хэра, А.Гьюэрта и др.) постоянно смешивает должное, или морально обязательное, с объективно необходимым, либо определяет моральный долг через необходимость⁹. Модальный фикционализм проводит мысль об отсутствии объективного эквивалента для любых модальных понятий, т.е. о признании их «полезными фикциями». Приписывание, в частности, моральным модальностям онтологического статуса есть результат неправомерного гипостазирования субъективных (по способу существования) моральных позиций, оценок, императивов, норм и пр.

Можно заключить, что фикционализм как широкий мировоззренческий подход содержит некоторые методологически плодотворные элементы, — во всяком случае, применительно к сфере познания, в особенности к математике и естественным наукам, где использование фиктивных понятий и представлений обеспечивает реальную результативность познавательного процесса. Что касается *этического* фикционализма, то и здесь имеется позитивная идея (которая, впрочем, связана скорее с именем Канта, нежели Файхингера), именно: признание того, что моральные (оценочные и императивные) суждения и понятия не имеют субстанциальных аналогов; или, если использовать аналитико-философскую терминологию, не существует «моральных фактов», т.е. оценки и императивы не имеют денотата в виде субстанциального добра, долга и пр. Правда, такое понимание моральных ценностей не требует обязательного принятия фикционалистской концепции; понятие «моральной фикции» возникает лишь в связи с

тем, что большинство философов рассматривают мораль как род знания, и потому в тех случаях, когда ставится под сомнение само существование объекта такого знания, то сохранить когнитивный статус моральных ценностей позволяет подведение их под суррогатное понятие «фикции». Если же моральные оценки и нормы интерпретировать как некогнитивные феномены¹⁰, то надобность в фикционалистской терминологии отпадает. Мораль не «фиктивна» в каком бы то ни было смысле; моральные ценности образуют особую социально-духовную реальность: принципы, нормы, установки, мотивы, переживания и т.д.; эти реалии человеческого духа соотносимы с предметным (и, быть может, «умопостигаемым») миром, но соотносимы не в познавательном, а в другом, «взаимообуславливающем» отношении, поэтому атрибуция их в качестве «фиктивных» некорректна. Можно спорить о специфике морали, ее происхождении, функциях, механизмах и пр., но не о ее реальном бытии.

Основной объяснительный потенциал фикционализма, имеющий значение для социально-гуманитарных наук (потенциал, также могущий быть реализованным без использования представлений о «фикции» и, следовательно, свойственный не только рассматриваемому философскому направлению), связан с той методологической посылкой, которая обозначена в начале данного раздела: те или иные духовные образования, даже не будучи «истинными» в эпистемологическом смысле (т.е., будучи, скажем, фиктивными, или ложными, или не доказанными, или принципиально недоказуемыми, или вообще некогнитивными и, значит, лишенными любой из этих характеристик), могут тем не менее быть органической и стабильной частью общественного сознания, передаваться из поколения в поколение, быть институциализированными, реально влиять на жизнь людей, выполнять важнейшие социальные функции. Разумеется, отсюда не следует, будто духовная и материальная жизнь общества целиком и полностью определяется «фикциями», как это утверждают наиболее радикальные представители фикционализма.

Этический конструктивизм

Термин «конструктивизм» употребляется довольно широко в разных теоретических (а иногда и публицистических) контекстах. В самом общем смысле «конструктивизм» означает установку на (1) искусственное построение (конструирование) тех или иных идеально-духовных или материально-предметных реалий либо на (2) истолкование этих реалий как искусственно сконструированных (в противовес их интерпретации

как естественно или стихийно возникших)¹¹. В этом широком значении «конструктивизм» фигурирует и в философии, включая философию науки, философию морали, права и т.д.

Благодаря явно мыслимому в понятии «конструирование» субъективно-творческому моменту, квалификация какой-либо теоретической позиции как «конструктивистской» чаще всего (но не всегда) означает признание ее также и «субъективистской». И хотя сам термин «конструктивизм» появился не более столетия назад, а в философию морали и права он вошел совсем недавно (примерно в 70–80-е гг. XX в.), многие традиционные концепции, допускающие субъективное — индивидуальное или социально-групповое — нормотворчество в этой области (теории общественного договора, конвенционализм, этический и правовой рационализм Нового времени), тем не менее ретроспективно причисляются к общему течению конструктивизма. Такое словоупотребление, впрочем, не узаконено словарными дефинициями, однако явочным порядком оно внедрилось в язык современной философии.

Вместе с тем в научной методологии, логике, лингвистике сложилась в последние десятилетия и более узкая, специальная концепция конструктивизма, развивающаяся в русле традиционного философского рационализма и избравшая этику в качестве одной из сфер своего приложения. Основная идея этой концепции, роднящая ее с рассмотренным выше фикционализмом, — отрицание дескриптивности (но не когнитивности вообще!) основоположений математики и логики, — а также морали и права, если трактовать последние в духе классического рационализма, т.е. как некие априорные системы знания. Но в отличие от фикционализма, дающего определенное (субъективистское) решение проблемы «истинности» моральных норм и оценок и утверждающего их служебный характер, конструктивизм, соглашаясь в целом с отрицанием истинностного характера моральных ценностей и с идеей о невозможности обоснования их именно в качестве дескриптивного знания, занял другой проблемой: откуда вообще берутся эти принципы и нормы, каков их источник, — и предлагает свое решение: моральные ценности суть конструкты разума. По-видимому, первой крупной публикацией, излагающей основы этой концепции, была статья Дж.Ролза «Кантианский конструктивизм в моральной теории»¹²; затем последовал ряд работ других авторов¹³.

Обратимся к словарному определению этического (и вообще ценностного) конструктивизма: «Конструктивистская моральная или политическая теория — это вид нормативной теории, которая получает основное содержание своей моральной или политической концепции посредством процедуры построения (construction), включающей соответствующие стандарты *практического разума*. Ключ к кон

структивизму — процедура построения и использование этой процедуры для того, чтобы определить или вывести содержание нормативной позиции. Процедура построения в этом контексте представляет собой гипотетический или идеализированный процесс рационального «взвешивания» (deliberation), выбора или соглашения, в ходе которого субъект (или группа) при определенных условиях устанавливает основы нормативной концепции, — например, путем выбора или соглашения по фундаментальным принципам морали или принципам правильного поведения. Конструктивист полагает, что эта процедура есть конечный критерий того, что является правильным (right). Иначе говоря, основные принципы правильности суть те, которые являются результатом построения, и не существует никакого критерия, помимо этой процедуры, для определения принципов правильного. Результат этой процедуры, каков бы он ни был, определяет, что есть “правильное”. ...Конструктивист отрицает существование независимой от сознания моральной реальности или моральных фактов и считает, что моральные принципы генерированы практическим рассуждением¹⁴.

Следует отметить, что субъективистская тенденция в толковании морали свойственна скорее конструктивизму в его более широком и размытом понимании, нежели указанной специальной его разновидности, которая имеет своим первоисточником идеи Канта и других рационалистов XVIII в., не подвергавших сомнению объективность моральных принципов (хотя и объективность *особого рода*, равнозначную логической необходимости). Современные авторы, пишущие на данную тему, не всегда различают объективистскую и субъективистскую версии конструктивизма. Показательно, в частности, само название недавней статьи А.И.Бродского «Нормативная этика: от объективизма к конструктивизму»¹⁵. Судя по этому названию, автор видит в логико-математическом конструктивизме, примененном к моральным понятиям и суждениям, некую (субъективистскую?) альтернативу объективистской трактовке морали. И действительно, А.И.Бродский подчеркивает свою приверженность идее свободного нормотворчества, в рамках которой предполагается разработка конструктивной нормативной этики: «Будда и Конфуций, Моисей и Иисус Христос не рефлексировали над уже сложившейся в народе нравственностью, а создавали новые принципы и нормы человеческой жизни...»¹⁶; «Пора перестать смотреть на моральные требования как на объективные законы жизни, ‘подаренные’ нам Богом, Природой или Историей. Никто нас ни к чему не обязывает. Нравственные нормы — такое же изобретение человечества, как, например, велосипед».

В подтверждение этой мысли в статье цитируется Н.А.Бердяев: «Свобода есть.. не выбор между поставленными передо мною добром и злом, а мое созидание добра и зла», и затем выражается надежда, что «в конструктивной этике эта интуиция Бердяева может получить рациональное выражение»¹⁷.

А.И.Бродский полагает, что интуиционистские и конструктивистские программы обоснования математики имеют «прямое отношение» к нормативной этике: «В этике, как и в математике, 'существовать' означает 'быть построенным'». Поэтому допустимо предположить возможность создания конструктивной нормативной этики»¹⁸. «Аналогом математической конструктивности в этике должно стать понятие *выполнимости*»¹⁹. Можно было бы привести и другие положения статьи, призванные доказать правомерность и плодотворность нормативно-этического конструктивизма. Но вот вопрос: включает ли в себя, предполагает ли логико-математический конструктивизм идею *свободного*, или *произвольного*, построения оснований математики? Имеет ли «творчество» в этой области какие-либо объективные ограничения? Если имеет (а так оно и есть; во всяком случае, современные конструктивистские теории, фактически вышедшие из «шинели» кантовских «Критик», в явной форме не посягают на рационалистический объективизм), то, по-видимому, и «конструктивную этику», будь она создана, тоже нельзя рассматривать как продукт свободного нормотворчества. Кант, выявивший подлинную специфику морали, в свое время ясно высказался о том, что его категорический императив не содержит какого-либо нового (произвольно выдвинутого им) принципа нравственности, а претендует лишь на адекватное выражение объективного нравственного закона²⁰.

В цитированной выше статье из англо-американской «Этической энциклопедии» справедливо, на мой взгляд, отмечается, что «конструктивизм дает особую, привлекательную трактовку объективности морального суждения, которая не опирается на метафизически проблематичный статус моральных фактов. Объективность достигается использованием стандартов практического рассуждения: верные (correct) моральные суждения получаются благодаря верному применению стандартов практического разума, которые включены (incorporated) в процедуру конструирования»²¹. И далее: «...Конструктивист полагает, что основные моральные принципы в некотором особом смысле произведены (generated) посредством практического рассуждения. Однако это не значит, что моральные принципы суть человеческое изобретение или продукт выбора через предпочтение. Конструктивизм не ведет к субъективизму, как правило, он скорее выражает некоторую форму объективности в нормативной мысли.

В самом деле, использование процедуры конструирования для выведения моральных принципов есть определенный способ обеспечения объективного базиса для морали»²².

Таким образом, к этическому субъективизму можно отнести лишь те варианты конструктивной этики, которые — в согласии с давней традицией индетерминизма и волюнтаризма — увязывают процедуру конструирования моральных норм (независимо от конкретных «технологий» ее осуществления) с деятельностью «свободной воли», — деятельностью, выступающей чаще всего под псевдонимом «нормотворчества».

* * *

Субъективистские концепции в этике возникли не на пустом месте, они имеют основательную эмпирическую и теоретическую базу и составляют серьезную конкуренцию традиционному объективизму натуралистического, платонистского и кантианского образца, так же как и объективистской версии современного конструктивизма. Можно сказать, что объективизм и субъективизм в философии морали не являются совершенно взаимоисключающими подходами, тот и другой содержат позитивные элементы, непротиворечивый синтез которых в рамках единой теории, по мнению автора данной статьи, вполне достижим.

Примечания

¹ См., напр.: URL = <<http://www.brown.edu/Departments/Philosophy/bears/symp-dworkin.html>>, где помещены дискуссионные материалы нескольких авторов (S.Blackburn, M.Otsuka, N.Zangwill) по поводу упомянутой статьи, а также резюмирующий ответ Р.Дворкина. — См. также материалы международной метаэтической конференции в Осло (Норвегия) на тему «Моральная объективность в мультикультуральном обществе?» (The meta-ethical conference «Moral objectivity in multicultural society?»). Overview. URL = <<http://www.tf.uio.no/etikk/konferanse.htm>>).

² Dworkin R. Objectivity and Truth: You'd Better Believe It // Philosophy & Public Affairs. 1996. 25, № 2. P. 88.

³ Эта позиция, получившая название «нонкогнитивизм», широко представлена (как в критическом, так и апологетическом планах) в современной западной аналитико-этической литературе. Обоснование нонкогнитивистского варианта этического субъективизма в его противостоянии объективизму дано, в частности, в статьях: Shafer-Landau R. Ethical Disagreement, Ethical Objectivism and Moral Indeterminacy // Philosophy & Phenomenological Research 54. 1994. P. 331–344; O'Leary-Hawthorne J.,

- Price H. How To Stand Up for Non-Cognitivists // *The Australasian Journal of Philosophy* 74, 1996. P. 275–292. В более широком плане дискуссии между когнитивизмом и некогнитивизмом рассмотрены в книге: Максимов Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М., 2003.
- ⁴ См.: Hooker B. Subjectivism // *Encyclopedia of Ethics* / L.C.Becker and C.B.Becker, eds. 2nd ed. N.Y.–L.: Routledge, 2001. Vol. 3.
- ⁵ См.: Joyce R. *The Myth of Morality*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. — Abstract. P. II.
- ⁶ См. материалы конференции, состоявшейся в Остине (США, Техас), на тему «Моральная теория после Ницше» («Moral Theory After Nietzsche»). University of Texas, Austin, 2003. (URL = <<http://www.utexas.edu/law/faculty/bleiter/MoralThe.html>>); в частности, тезисы доклада Надима Хусейна (Стэнфордский университет) «Возвращение морального фикционализма» (Hussain N. «The Return of Moral Fictionalism», URL = <<http://events.stanford.edu/events/10/1012/>>). См. также коллективный труд американского и двух австралийских авторов: Nolan D., Restall G., West C. *Moral Fictionalism*. 2002. (URL = <http://www.consequently.org/papers/mf.pdf>).
- ⁷ Главный труд Ханса Файхингера, где изложены основы его фикционалистской теории, называется — в буквальном переводе — «Философия как бы» («Philosophie des Als Ob», 1877), причем выражение «als ob» в этом специфическом контексте явно имеет своим первоисточником «Критику чистого разума» и другие работы Канта, где многие мировоззренческие понятия (Бог, мир и др.) использовались так, как если бы им соответствовали реальные объекты (см., например: Кант И. Соч. Т. 3. М., 1964. С. 571–572).
- ⁸ См.: Nolan D. *Modal Fictionalism* // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2002 Edition). Edward N. Zalta (ed.), (URL = <http://plato.stanford.edu/archives/sum2002/entries/fictionalism-modal/>).
- ⁹ См.: Кант И. Соч. Т. 4(1). М., 1965. С. 236, 265.
- ¹⁰ Вернее, как духовные феномены, не сводимые к своей когнитивной составляющей (в соответствии с упоминавшейся выше некогнитивистской трактовкой ценностного сознания).
- ¹¹ Имеется еще и стоящее особняком понимание конструктивизма как особого направления в искусстве: эстетизация индустриально-конструктивных форм и т.п.
- ¹² Rawls J. *Kantian Constructivism in Moral Theory* // *Journal of Philosophy* 77. 1980. № 9. P. 515–72.
- ¹³ См. библиографию к статье: Reath A. *Constructivism* // *Encyclopedia of Ethics* / L.C.Becker and C.B.Becker, editors. 2nd ed. Vol. 1. N.Y.–L., 2001. P. 317–320. — См. также: Бродский А.И. В поисках действенного этоса. СПб.: Изд-во С.-Петербурга: ун-та, 1999. – Приложение. На пути к этическому конструктивизму.
- ¹⁴ Reath A. *Constructivism*. P. 317.
- ¹⁵ См.: Этическая мысль: Ежегодник. Вып. 1. М., 2000. С. 148–158.
- ¹⁶ Там же. С. 152.
- ¹⁷ Там же. С. 157.
- ¹⁸ Там же. С. 155–156.
- ¹⁹ Там же. С. 157.
- ²⁰ См.: Кант И. Соч. Т. 4(1). М., 1965. С. 319.
- ²¹ Reath, A. *Constructivism*. P. 319.
- ²² Ibid.